

РАЗЛИЧИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФА О ТЕЗЕЕ И АРИАДНЕ В ЛИРИКЕ В. Я. БРЮСОВА И М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Мария НИКИТИНА, студентка филологического факультета,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: Вячеслав ДОЛГОВ, др., конф.

Rezumat: Acest articol dezvăluie trăsăturile interpretării mitului lui Tezeu și Ariadnei în versurile lui V. Ya. Bryusov și M.I. Tsvetaeva. Aici sunt determinate atât conexiunile semnificative, cât și natura transformărilor împrumuturilor și rolul lor artistic. Încearcă să se stabilească modul în care împrumuturile diverse din diferite straturi culturale au fost percepute de poeții epocii de argint.

Cuvinte-cheie: mit, mitologema, Ariadna, Tezeu, labirint, lirica secolului de argint, transformare.

В. Я. Брюсов и М.И. Цветаева – яркие представители Серебряного века, неоднократно обращавшиеся к античной мифологии. Этому способствовал, с одной стороны, сам дух эпохи слома времен. Примечательно в этом отношении такое наблюдение Н. Бердяева: «В душе нового человека перекрещиваются наслоения разных великих эпох: язычество и христианство, древний бог Пан и Бог, умерший на кресте, греческая красота и средневековый романтизм...» [4, с. 297]. С другой стороны, интерес к мифологическим образам и сюжетам обусловлен особенностями личности и влиянием окружения в процессе ее становления. Так, например, в случае В. Я. Брюсова отмечают его увлечение историей в гимназиях Ф. И. Креймана и Л. И. Поливанова, характер обучения на филологическом и историческом факультетах, где под влиянием знаменитых историков и сформировался глобальный взгляд на события прошлого, и расширился кругозор поэта. Важную роль также сыграло изучение творчества французских символистов, которые активно использовали мифологические заимствования. М. И. Цветаева, как широко известно, еще в детстве увлеклась мифами и легендами Древней Греции, поэмами Гомера, трагедиями Софокла и Еврипида. В родительском доме ее окружали гипсовые и мраморные боги – домашние знакомые с Олимпа. Ю. М. Каган считает, что любой, кто изучает античность в творчестве Цветаевой, не может обойти вниманием профессиональную страсть ее отца, выдающегося классического филолога, историка, популяризатора античного искусства и создателя Музея изящных искусств в Москве [15, с. 152].

Рассмотрим ключевые содержательные особенности мифа, а также варианты их художественной рецепции.

Согласно мифу, Ариадна (дочь критского царя Миноса и Пасифаи), влюбленная в Тезея, дала юноше клубок нити, чем помогла выбраться из

лабиринта Минотавра. Влюбленная Ариадна бежала с Тезеем, который обещал на ней жениться, однако во время разыгравшейся бури у острова Наксос тот передумал везти ее в Афины и бросил. Бог Дионис, очарованный красотой царевны, взял ее в жены [13, с. 103]. Известны и другие варианты истолкования дальнейшей судьбы критской царевны, однако указанный является наиболее распространенным.

Таким образом, миф включает 4 наиболее важных образа – Тезея, Ариадны, Минотавра и лабиринта, – каждый из которых связан с определенным набором устоявшихся характеристик. Содержание мифа, в наиболее общих чертах, можно разделить на события до подвига Тезея, убийство Минотавра и выход из лабиринта, наконец, путь героев в Афины и судьба брошенной возлюбленным Ариадны. Примечательно, что и В. Я. Брюсова, и М. И. Цветаеву больше привлекает тот мифологический материал, когда подвиг Тезея уже позади, а на передний план выдвигается аспект личных взаимоотношений. Лишь в одном стихотворении В. Я. Брюсова последовательно разрабатывается тема лабиринта, однако поэт не поэтически излагает миф, а существенно трансформирует известные образы, создавая таким образом новый миф. Так, в частности, Тезей в стихотворении «Нить Ариадны» входит в лабиринт не с высокой миссией убить чудовище, а случайно, чтобы укрыться от жары:

*Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть...* [5, с. 180]

Он наивен, беспечен (*«Я шел и шел...»*), будто не ведает, что лабиринт – пространство смерти, поэтому на полпути решает вернуться обратно, но нить Ариадны не выводит, а доводит *«до бездны»*. Теперь он *«на трудный подвиг обречен»*, что означает неизбежную встречу с Минотавром и неминуемую гибель. Почему не реализованы традиционные для мифа смыслы? Полагаем, что ключом к пониманию идеи произведения служат финальные строки:

*Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он...* [5, с. 180]

Пространство смерти не терпит праздности, поэтому *«путешественник случайный»*, *«дерзкий»*, *«пришелец»* должен заплатить за несанкционированный вход жизнью, и никакая нить Ариадны не избавит его от этой участи. Неизбежность такого исхода подчеркивается и геометрией лабиринта, в которой главную роль играет круг как символ замкнутого пространства (*«зал круги, и лестниц винт»*).

Примечательно, что в паре Тезей – Ариадна В. Я. Брюсов больше внимания уделяет первому, «очеловечивает» героя, стремится представить его мысли и чувства, которые могли объяснить мотивы его поступков. Так, стихотворение «Тезей Ариадне» построено в виде монолога героя, который на палубе корабля, глядя на спящую возлюбленную, уже принял решение оставить ее на *«сужденной земле»*. Воспоминания о той решаю-

шей роли, которую Ариадна сыграла, помогая ему выйти из лабиринта, Тезей признается, что полюбил ее всем сердцем:

*И сердце в первый раз извело,
Что есть блаженство на земле,
Когда свое биенье предало
Тебе – на темном корабле!* [5, с. 249]

Некоторые исследователи, как, например, Н. Г. Арефьева, утверждают, что символизм Брюсова проявляется в попытке наделить Тезея чувством любви к Ариадне, и потому неожиданным для читателя является финальное отречение героя от своей любви ради предназначения [8, с. 108-112]. Мы полагаем, что ничего неожиданного в таком финале нет, потому что герой не может отворотить рок, судьбу:

*Но всем судило Неизбежное,
Как высший долг, – быть палачом* [5, с. 249].

Традиционный конфликт чувства и долга, личного и общественного решается в пользу последнего:

*Довольно страсть путями правила,
Я в дар богам несу ее.
Нам, как маяк, давно поставила
Афина строгая – копьё!* [5, с. 249]

Тезей в такой трактовке оказывается истинно трагическим героем, отказывающимся от любви не по своей воле. А Ариадне уготовано стать возлюбленной Диониса:

*А над спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Бог в короне виноградной
Клонит страстные уста* [5, с. 249].

Психологическое начало и исповедальность еще больше усилены в стихотворении «Ариадна. Жалоба Фессея». Герой вновь мысленно возвращается к событиям прошлого, только теперь он не молодой мужчина, вынужденный делать выбор, а убеленный сединой старец, подводящий итоги своей жизни. Стихотворение открывается криком – воззванием, обращенным к той, которую он до конца своих дней так и не смог разлюбить. В монолог Тезея образ Ариадны выводится на уровень идеального: в ней нет недостатков и изъянов, он обязан ей своей победой над минотавром, она спасла его в «царстве вражьем» и ради любви согласилась покинуть родную землю. Ариадна и «дева мудрая», и «жрица мне неведомых богов», и возлюбленная.

Главным предметом изображения все же является внутреннее состояние героя, которое автор стремится представить во всей полноте и противоречивой сложности. Тезей пытается представить, как царевна отреагировала на его решение оставить ее, и сам себя судит:

*Что подумала о друге,
Кто тебя, тобой спасен,
Предал – плата за услуги! –
Обманул твой мирный сон?* [5, с. 270]

Не только муки нечистой совести не дают ему покоя, но и незнание ее дальнейшей судьбы. Тезей предполагает, что брошенная им Ариадна могла стать жертвой диких зверей или укуса змеи, могла долго страдать или – «горькая удача!» – была спасена Дионисом. Свою вину он признает, более того, считает, что за свое предательство расплатился (снова по воле Судьбы) страшной ценой – смертью отца, но не в этом трагедия героя, а в том, что, отказавшись от Ариадны, он лишился самого ценного. Конфликт долга и чувства, заявленный в раннем стихотворении «Тезей Ариадне», получает новое продолжение: долг исполнен, но это не принесло счастья:

*Мне покорствуют Афины;
Но отдать я был бы рад
Эту власть за твой единый
Поцелуй иль нежный взгляд!* [5, с. 273].

Автор противопоставляет Ариадну образу «подруги нелюбимой», чтобы подчеркнуть, что царевна была единственной настоящей любовью Тезея:

*Я с подругой нелюбимой
Дни влачу, но – решишь ты
Возле ложа, еле зримый
Призрак, в глубях темноты!* [5, с. 273]

Теперь герой понимает, что смысл жизни заключается в любви и, похоже, сожалеет о том, что малодушно согласился исполнить предначертанное:

*Славен я! Но мой висок
Осребрен: под сенью лавра
Жизнь я бросил на песок!* [5, с. 273]

В стихотворении «Ариадна» в подробностях описан самый страшный сон Тезея: любовный союз юной царевны и Диониса. Мотив сна как состояния и как символа успокоительного забвения, который возникает в начале и повторяется в конце стихотворения, призван раскрыть психологическое состояние героя:

В начале:

*Во дворце Афинском, скорбно мрачен,
Спит Фессей и видит вещей сон...* [5, с. 271]

В финале:

*Горькое возмездье
Пьет Фессей во сне, и молит сна!* [5, с. 271]

А центральная часть произведения посвящена идиллической картине первой встречи брошенной на неизвестной земле Ариадны с Дионисом, с первого взгляда влюбившимся в царевну:

*Он же, страстью вдруг обезоружен,
Раб восторга, к деве клонит лик... [5, с. 271]*

Поэт использует еще одну из древних трактовок, согласно которой Дионис венец Ариадны поместил на небе в виде созвездия:

*Вот схватил ее венец жемчужин.
«Ты – небес достойна!» – слышен вскрик [5, с. 271].*

Союз царевны с богом представлен гармоничным, светлым, радостным, что, по замыслу автора, должно сильнее оттенить внутреннее состояние одинокого Тезея.

Лишь в одном стихотворении В. Я. Брюсова Ариадна представлена как главный герой и не с позиции ее восприятия Тезеем, а с позиции отстраненного автора. Сонет «У друга на груди забылася она...» начинается с мотива безмятежного сна критской царевны, плывущей вместе с Тезеем на корабле:

*У друга на груди забылася она
В каюте, убранной коврами и цветами,
И первый сон ее баюкала волна
Созвучными струями [5, с. 216].*

Пробуждение откроет для нее новую реальность. Интересно, что пространственная организация, звуковые доминанты, состояния героини представлены на контрастах: любовь // одиночество, сон // пробуждение, поющая волна // тишина, каюта с коврами и цветами (замкнутое пространство) // берег с лесами и полями (открытое пространство). Если в первых двух катренах переданы два разных состояния героини (сладкая греза и горькое пробуждение), то в третьей строфе раскрывается диалектика души:

*Она покинута! И на пыли дорог,
Упав, она лежит, рыдая, пламенея.
То мщенье зовет, то молит за Тезея [5, с. 217].*

Переломным моментом, отменяющим трагический финал, становится появление Диониса в финале.

В лирике М. И. Цветаевой нам не удалось обнаружить ни одного стихотворения, главным героем которого выступил бы Тезей, поэта, как уже было сказано выше, больше привлекает образ Ариадны. Чаще всего это имя встречается в произведениях, написанных в Чехии. В 1923 году были созданы циклы «Провода» и «Ариадна», в которых данный образ играет важную художественную роль и оказывается неразрывно связанным с мотивами потери, разлуки и расставания.

В первом стихотворении цикла причудливо объединяются мифическая древность и современность: между столбами, поддерживающими верхнюю часть неба – Эмпирей, – протянуты телеграфные провода, которые призваны донести до любимого последнее и самое важное признание. Монолог лирической героини дает возможность не только проследить

историю любви в ее развитии, но и отражает диалектическое единство комплекса испытываемых ею чувств: люблю – прощай – простите – вернись – жаль – увы [7, с. 143]. Ключевые реплики героини поддерживаются образами Ариадны и Эвридики и вызывают ассоциации с сюжетами утраты любви, закрепившимися в мифологии:

Выше, выше – и сли-лись

В Ариаднино: ве-ер-нись... [12, с. 597]

Через насыти – и – рвы

Эвридикино: у-у-вы... [12, с. 597]

Данные заимствования, как представляется, призваны не только подготовить трагическую развязку, но и позволяют автору (за счет совмещения временных пластов) подчеркнуть вечный характер расставания в любви. Примечательно, что данная тема неразрывно связана с мотивом смерти: он вводится игрой слов (прóводы проводóв), образами Аида и удаляющейся Эвридики, эпитетами и метафоризованными эпитетами («*В предсмертном крике / Упирающихся страстей...*» [12, с. 597]).

Во втором стихотворении цикла повторяется ситуация послания по телеграфным проводам, которые выступают последним связующим звеном героев и, в то же время, маркируют увеличившееся расстояние между ними. В интерпретации М. И. Цветаевой они становятся нитью Ариадны, которая, однако, рвется:

Глаза: без дна она! без дня! И дата

Лжет календарная...

Как ты – Разрыв,

Не Ариадна я и не...

– Утрата! [12, с. 598].

Передаваемое сообщение не доходит до адресата, связь между героями утрачивается навсегда:

О по каким морям и городам

Тебя искать? (Незримого – незрячей!)

Я прóводы вверяю проводám,

И в телеграфный столб упершись – плачу [12, с. 598].

Боль утраты, которую испытывает лирическая героиня, выразить своими стихами невозможно, но с этим бы не справились и величайшие мастера искусства слова:

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды

И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!

Боюсь, что мало для такой беды

Всего Расина и всего Шекспира! [12, с. 598]

При этом утверждается с помощью образов Ариадны и Федры высокое значение и ценность единственной, настоящей (пусть и трагической!) любви:

*Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее! [12, с. 598]
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших! [12, с. 598]*

В основу цикла «Ариадна» положена мифологическая ситуация, когда Ариадна была оставлена Тезеем, причем автором осмысливается она с позиции юной царевны. В первом стихотворении цикла М. И. Цветаева дает ответ на вопрос «Что значит быть брошенной?» Выводы, к которым она приходит, можно сформулировать так:

- брошенную возлюбленную не забыть никогда;
- где быть брошенной, не имеет значения;
- брошенная уступается другому, но успокоения это не принесёт.

Второе стихотворение цикла основано на контрасте двух периодов жизни Ариадны. С одной, стороны счастье, которое она испытывала рядом с возлюбленным:

*– О всем голосами раковин
Ты пел ей...
– Травкой каждую [12, с. 602].*

С другой стороны, эмоциональная реакция от осознания того, что была брошена на острове:

*– И кудри вырывала полными
Горстями...
– В пену падали... [12, с. 607]*

Следует обратить внимание на связь образов Ариадны и Федры в двух произведениях поэта. Она была представлена в стихотворении «Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...» и обнаруживается в стихотворении «Все так же, так же в морскую синь...»:

*Глаза трагических героинь.
В сей зал, бесплатен и неогляден,
Глазами заспанных Ариадн
Обманутых, очесами Федр
Отвергнутых, из последних недр... [12, с. 628]*

Похоже, что лирическая героиня сравнивает свою судьбу с трагическими историями Ариадны и Федры, но использует множественное число, чтобы обобщить эти трагедии и представить их как некую общую участь всех обманутых и отвергнутых женщин.

Примечательно также, что М. И. Цветаева переосмысливает образ лабиринта в трагедии «Ариадна», где он выступает не столько мифическим сооружением, сколько символическим образом, существующим вне времени и пространства и отражающим состояние человеческой души и внутреннего мира персонажей: «лабиринт сердца» [9, с. 300]. Ариадна в

данной интерпретации не столько влюбленная царевна, предающая свою семью ради любимого и содействующая убийству брата. Она – герой, который помогает уничтожить зло во благо Минотавра, поскольку лабиринт в произведении – это не только мрак, смерть, но и тюрьма для Минотавра. Ариадна, которую Цветаева описывает как «малолюбившую», «мудрую», одновременно помогает и Тезею, и Минотавру. Она верит, что смерть – это свобода и единственный возможный выход из лабиринта [9, с. 84-85].

Предпринятый анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Миф о Тезее и Ариадне привлекает двух поэтов в той его части, когда героическое прошлое уже позади, и развитие отношений приводит в разлуке. Как мы уже отмечали, в качестве главного героя В. Я. Брюсов выбирает Тезея, а М. И. Цветаева – Ариадну. В интерпретации образа Тезея В. Я. Брюсов движется от беспристрастного представления героя читателю – через защиту Тезея – к признанию героем своей вины [6, с. 113]. Не вызывает сомнения тот факт, что трактовка данного образа имеет апологетический характер, однако, как показал предпринятый нами анализ, автору важно не только оправдать Тезея, но и представить его как трагическую личность, описать комплекс противоречивых чувств, которые он испытывает. В целом, главное отличие Тезея в брюсовской интерпретации заключается в его «очеловечивании»: если мифологическая трактовка не исключает его осуждения, то взгляд на Тезея В. Я. Брюсова способствует лучшему пониманию его мотивов, сочувствию его терзаниям и осознанию противоречивого единства испытываемых им чувств и эмоций.

В творческом наследии каждого из поэтов обнаруживается по одному примеру произведений, основанных на существенном переосмыслении образа лабиринта. Но если у В. Я. Брюсова лабиринт – пространство смерти, которое требует соответствующего отношения и карает за праздность, то в восприятии М. И. Цветаевой – это темница, в которой обречен влачить свое существование Минотавр, и единственная возможность освободить его – смерть. Доминирующий мотив, как видим, один, однако идейная направленность разная.

Различен и характер привлечения мифологических заимствований, и их художественная роль. В. Я. Брюсов предлагает свою интерпретацию мифологической ситуации, чтобы обратить внимание на муки и страдания Тезея. М. И. Цветаева использует мифологические вкрапления для более полного представления внутреннего мира лирической героини, потерявшей любовь.

Варианты интерпретации античного мифа В. Я. Брюсова и М. И. Цветаевой объединяет стремление к раскрытию внутреннего мира и диалектики души. Но если первый предлагает свою собственную трактовку мифологических лакун, то второй использует мифологические образы для иллюстра-

ции состояний лирической героини и обоснования их вневременного характера.

Полученные в ходе предпринятого исследования результаты позволяют аргументировать тезис о том, насколько многообразно заимствования из различных культурных пластов были восприняты поэтами Серебряного века.

Библиография:

1. АВЕРИНЦЕВ, С.С., Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания. В: *Новое в современной классической филологии*, Москва, 1979, с. 19-34.
2. АРЕФЬЕВА, Н.Г., Миф об Ариадне и Тезее в лирике В. Брюсова. В: *Гуманитарные исследования*, Нижний Новгород, 2009, №1, с. 108-113.
3. АШУКИН, Н.С., ЩЕРБАКОВ, Р.Л., *Брюсов. Жизнь замечательных людей*. Москва, 2006, с. 519.
4. БЕРДЯЕВ, Н.А., О новом религиозном сознании. В: *Вопросы жизни*, Москва, 1905, № 9, с. 147-153.
5. БРЮСОВ, В.Я. *Стихотворения*. Минск, 1955, с. 508.
6. ЗЕЛЬЧЕНКО, В.В. Античность в русской поэзии начала XX века. В: *Обзор и критика исследовательских практик*, Санкт-Петербург, 2020, с. 331-357.
7. КАГАН, Ю.М. И. В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. Москва, 1987, с. 140-160.
8. КУЗНЕЦОВА, Н.В., Миф о Минотавре в литературе XX – начала XXI вв. В: *Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*, Москва, 2006, с. 295-297.
9. МАСЛОВА, В.А., *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой*. Москва, 2004, с. 210-215.
10. НЕМИРОВСКИЙ, А.И., *Мифы и легенды народов мира. Древняя Греция*. Москва, 2004, с. 129-135.
11. НИЦШЕ, Ф., *Фридрих Ницше. Сочинения в двух томах*. Москва, 1990, с. 820-829.
12. ОСОРГИН, М.А., *Времена: Романы и автобиографическое повествование*. Екатеринбург, 1992, с. 606.
13. ТОКАРЕВ, С.А., Ариадна. В: *Мифы народов мира*, Москва: Изд-во малого предприятия «Останкино», 1991, Т. 2, с. 671
14. ЦВЕТАЕВА, М.И., *Ариадна*. В: *Театр. Сборник пьес*, Москва, 1988, с. 348-365.
15. ЦВЕТАЕВА, М.И., *Собрание сочинений в 7 томах*. Москва, 1994-1995.
16. ЦВЕТАЕВА, М.И., *Неизданное. Сводные тетради*. Москва, 1997, с. 640.